

И. В. ЛЬВОВА*

**ИЗ ИСТОРИИ ВОСПРИЯТИЯ ДОСТОЕВСКОГО
В США: ПРОБЛЕМА РЕАЛИЗМА ДОСТОЕВСКОГО
В АМЕРИКАНСКОЙ КРИТИКЕ 1950–1960-х гг.**

Аннотация: В статье рассматриваются особенности изучения проблемы реализма Достоевского в американском литературоведении 1950–1960-х гг. На примере исследований Д. Фангера, Р. Поджиоли, Д. Франка, Р. Джексона и др. анализируется, как в этот период происходит пересмотр представлений о реализме Достоевского. Показывается, что новый взгляд на эту проблему выразился в стремлении установить связь реализма Достоевского с предшествующей традицией, законами жанра, а также с эстетическими представлениями писателя; одним из дискуссионных вопросов оставалась природа реальности, изображаемой Достоевским. Доказывается, что в этот период американское литературоведение формирует представление о Достоевском как об особом реалисте, утвердившем новые способы изображения действительности, расширившем границы реалистического, изменившем представления о правдоподобию, использовавшем новые приемы и тем самым оказавшем воздействие на американский роман.

Ключевые слова: реализм, фантастический реализм, романтический реализм, американское литературоведение, рецепция.

I. V. L'VOVA

**FROM THE HISTORY OF DOSTOEVSKY'S PERCEPTION
IN THE USA: THE PROBLEM OF DOSTOEVSKY'S REALISM
IN AMERICAN CRITICISM OF THE 1950–1960s**

Annotation: The article examines the study of Dostoevsky's realism in American literary criticism in the 1950–1960s. It is based on the studies by D. Fanger, R. Poggioli, J. Frank, R. Jackson and other scholars. It discusses how the ideas about Dostoevsky's realism were revised in their works. It shows that a new approach at this problem was aimed at the establishing a connection

* Ирина Вильевна Львова, д-р филол. наук, проф. Петрозаводского государственного университета; Irina Vilyevna Lvova, Dr. of Philology, Professor of Petrozavodsk State University. ilvovaster@gmail.com

between Dostoevsky's realism and the previous literary tradition, the laws of the genre, as well as the aesthetic ideas of the writer, one of the controversial issues of these studies was the nature of the reality depicted by Dostoevsky. The article shows that American literary criticism in 1950–1960s formed the perception of Dostoevsky as a special realist, who established new ways of depicting reality, expanded the boundaries of the realistic, changed ideas about verisimilitude, used new techniques, and thereby influenced the American novel.

Key words: realism, fantastic realism, romantic realism, American literary criticism, reception.

Вопрос о формировании представлений о творчестве Достоевского в науке и культуре США невозможно рассматривать без учета характера поисков в один из самых интенсивных периодов освоения наследия русского писателя, который пришелся на 1950–1960-е гг. В это время происходит становление американского достоевсковедения, одной из главных задач которого явились расширение и пересмотр сложившихся представлений о творчестве русского писателя. Наиболее значимой проблемой изучения стал вопрос о реализме Достоевского. Как отмечает известный исследователь творчества русского писателя и составитель обширной библиографии работ о Достоевском В. Ледербарроу, «вопрос о реализме Достоевского и его проблематичном отношении с художественным миром и реальностью был единственным постоянным лейтмотивом в критике Достоевского начиная с 1840-х гг. и до настоящего времени»¹.

Американское литературоведение долгое время ориентировалось на европейские работы о Достоевском. Как известно, Достоевский был представлен в Европе как реалист в то время, когда реализм был еще сравнительно новым термином. На протяжении столетия содержание его менялось, так что в конце концов, по замечанию Л. Я. Гинзбург, «реализм стал понятием чрезвычайно растяжимым»².

Представление о русском реализме сформировалось в значительной степени под влиянием М. де Вогюэ, который связывал его с религией страдания, выразителем которой, по его мнению, был Достоевский. Эти представления сохраняются отчасти и в 1950-е гг. Кроме того, в 1910–1920-е гг., период так называемого культа Достоевского, в европейском литературоведении утверждалась мысль, что его реализм имеет отношение к восприимчивости духовной, метафизической реальности, и в этом состоит его специфика. Появляются новые термины для определения реализма русского писателя: «духовный (spiritual) натурализм» (А. Ярмолинский), «мистический (visionary) реализм» (Я. Лаврин). Так, комментируя термин «духовный реализм Достоевского», Ярмолинский отмечает: «У него нет интереса к объективному миру ради

¹ *Leatherbarrow W.J. Fedor Dostoevsky: A Reference Guide. Boston, 1990. P. V.*

² *Гинзбург Л. Я. Литература в поисках реальности: Статьи, эссе, заметки. Л., 1987. С. 7.*

него самого. Вещи для него — только тени духовной реальности, отброшенные на стены подземного логова Плутона невидимым светом»³. Термин «мистический реализм» использует Я. Лаврин в книге «Достоевский». Рассматривая характеры у Достоевского, он объясняет их необычность, преувеличенность тем, что они суть проявление действующих сверхчеловеческих сил, смысл которых трудно постигнуть: «Так, есть нечто парадоксальное в преувеличенных характерах Достоевского: они наиболее реальны, когда они меньше всего реальны с точки зрения визионерского реализма»⁴. Это не реалистические персонажи, а идеи: «Он не заботился о традиционном единстве характера, так как был только знаком с противоречиями человеческого Я. <...> его идеи проверяются жизнью и самой человеческой личностью. Они становятся динамическими “идеями-эмоциями” или действующими идеями (ideas-forces)»⁵

Все эти представления о реализме Достоевского углубляли складывающийся миф о нем как художнике неевропейском, принадлежавшем другой литературной традиции, изображавшем странное, неправдоподобное, исключительное, чуждое американскому и европейскому читателю.

В 1950-е гг. важно было уточнить и дополнить сложившиеся представления о реализме Достоевского. Исследования проблемы реализма Достоевского шли в нескольких направлениях: определения природы реальности, изображаемой Достоевским, установления связи реализма Достоевского с европейской реалистической традицией, мировоззрением писателя и т. д.

Вопросам реализма Достоевского посвящены в эти годы исследования ученых: Р. Поджиоли, Э. Вайваса, Д. Фангера, Р.Л. Джексона, Д. Франка, Т. Пачмас, Д. Рива и др.

Работы Ренато Поджиоли⁶, профессора компаративистики Кембриджского университета, основываются на сложившихся представлениях об особой природе реальности, воссоздаваемой Достоевским. По мнению ученого, хотя реализм Достоевского близок западному, однако его индивидуальные склонности и художественная интуиция заставляли его в рамках реалистического метода с помощью средств, предоставленных этим методом, создавать трансцендентную реальность, разрушая традиционные представления о правдивости, объективности. Поджиоли видит в Достоевском-реалисте мистика, создавшего в своих

³ *Yarmolinsky A. Aesthetics of Dostoevsky // New Republic. 1922. September, 27. P. 115–117.*

⁴ *Lavrin J. Dostoevsky: a study. New York, 1969. P. 33.*

⁵ *Ibid. P. 20.*

⁶ *Poggioli R. Dostoevsky and Western realism // The Kenyon Review. 1952. Vol. XIV, no. 1. P. 43–59.* Эта статья позже под заголовком «Dostoevski, or Reality and Myth» вошла в книгу «The Phoenix and the Spider» — одну из самых интересных и авторитетных книг о русских писателях в эти годы (*Poggioli R. The Phoenix and the Spider: A Book of Essays about some Russian Writers and their View of the Self. New York, 1957.*)

произведениях четвертое измерение. «Метафизическое и сверхъестественное — это четвертое измерение его вселенной, однако она остается проекцией нашего трехмерного мира», — отмечает исследователь⁷. Создание этого четвертого измерения было возможно только благодаря мистическим откровениям, интуиции. При этом «Достоевский никогда не бывает более реалистическим, чем в моменты мистических прозрений»⁸. Способность выразить сверхъестественное, мистическое, ирреальное — определяющая черта реализма Достоевского: «В соответствии с представлениями поэта реальность в основном постигается через личную, почти мистическую, интуицию. Реализм Достоевского, таким образом, является и проекцией, и интроспекцией одновременно»⁹. Эту же тенденцию изучения специфики реализма Достоевского — рассмотрение характера реальности, созданной Достоевским, и материальной реальности — продолжает работа профессора философии Нортвестернского университета Э. Вайваса «Два измерения реальности в “Братьях Карамазовых”». Она была опубликована в 1951 г. и перепечатана в сборнике «Достоевский. Сборник критических статей» под редакцией Р. Уэллека¹⁰. Вайвас при анализе исходит из особенностей мировоззрения Достоевского, утверждая, что «Достоевский рассматривает человеческую судьбу с точки зрения иррационализма, которая является более радикальной, чем у Шопенгауэра и Ницше. В его иррационализме — источник всех его прозрений, теологических, психологических и политических»¹¹. Создание двух реальностей не только не противоречит реалистическому методу Достоевского, но, как пишет Вайвас, именно «психологический и метафизический уровни и создают конкретную реальность мира людей у Достоевского»¹².

Если Вайвас определяет специфику реализма Достоевского через описание типов реальности, созданных писателем, то в книге профессора Стэнфордского университета (отделение славянской филологии) Дональда Фангера «Достоевский и романтический реализм. Исследование Достоевского в отношении к Бальзаку, Диккенсу и Гоголю»¹³ особенности реализма Достоевского ищутся в законах жанра, когда социальный контекст представлен средствами мелодрамы и готического романа. Основной акцент делается на романтических истоках творчества Достоевского.

⁷ Poggioli R. The Phoenix and the Spider. P. 59.

⁸ Ibid. P. 59.

⁹ Ibid. P. 49.

¹⁰ Vivas E. The two dimensions of reality in *The Brothers Karamazov* // *Sewanee Review*. 1951. Vol. LIX, no. 1. P. 23–49; перепеч. в сб.: *Dostoevsky. A Collection of Critical Essays* / ed. R. Wellek. New Jersey, 1962.

¹¹ Vivas E. The two dimensions of reality in *The Brothers Karamazov* // *Dostoevsky*. P. 88.

¹² Ibid. P. 84.

¹³ Fanger D. *Dostoevsky and Romantic Realism: A Study of Dostoevsky in Relation to Balzac, Dickens, and Gogol*. Cambridge, Mass., 1965.

Работа Фангера, одно из самых значительных исследований о Достоевском этого периода, базируется на тех же представлениях о природе реальности у Достоевского, однако историзм компаративистской работы заставляет Фангера связать природу реализма Достоевского с европейской реалистической традицией, которой он дает название «романтический реализм». В своем исследовании поэтики романов Достоевского он опирается на работы своих американских предшественников, прежде всего Дж. Гиссинга, Р. Поджиоли, а также русских ученых Л. Гроссмана, М. Бахтина, К. Мочульского. Под реализмом Фангер понимает метод, связанный с постижением некоей высшей «духовной реальности», «осознанием трансцендентных сил, проступающих сквозь трещины видимой вселенной»¹⁴. Задача Фангера — проследить эволюцию реализма Достоевского, его перехода от уровня социального к метафизическому, т. е. к той стадии, которую он называет символическим реализмом. Переходность как специфическая черта реализма Достоевского нашла отражение в термине «романтический реализм», который использует автор.

Для прояснения понятия «романтический реализм» Фангер делает разграничение между чистым реализмом, родившимся во второй половине XIX в. и романтическим реализмом первой половины XIX в. «Реализм может быть рассмотрен двояко: как дискретный (абстрактный) метод, существующий с античности, или как продукт недавнего исторического момента, который должен быть объяснен только в границах его литературной истории»¹⁵, — пишет Фангер.

Фангер обнаруживает и прослеживает связь реализма с романтизмом: он исходит из того, что в центре романтического реализма лежит основополагающий романтический принцип приоритета воображения. Ученый отмечает, что существует «двойственная тенденция: вымышленное общество, когда оно является результатом деятельности великого писателя, возникает в том случае, когда встречаются две проекции: проекция реального мира в воображаемый, который писатель воспроизвел насколько это было в его силах, и проекция в реальный мир персонального мифа, выражающего знание о себе, собственной судьбе, материала, духовных сил, чье поле приложения — человеческое существо. Общепризнано, что писатель делает все возможное, чтобы воспроизвести реальный мир, но его воспроизведение ограничено его видением мира, и его видение есть функция его автобиографии»¹⁶. Если для чистых реалистов важно первенство самого представляемого материала, то для романтических главное — само видение. Результат этого — сильнейшее искажение реальности. «Реальность должна быть описана как романтическая». Романтический реализм, который описывает

¹⁴ *Fanger D. Dostoevsky and Romantic Realism. P. 14.*

¹⁵ *Ibid. P. 3.*

¹⁶ *Ibid. P. 15.*

в исследовании Фангер, — это реализм, вобравший романтическую надежду о возможности преобразования мира с помощью поэтического мифа о нем. «Все романтическое движение может рассматриваться как мифопоэтическое возрождение. Романтические реалисты — мифопоэты романа»¹⁷.

Одно из открытий романтического реализма — широкое использование гротеска для «адаптации комических приемов»¹⁸. Понятие гротеска занимает в концепции Фангера огромное место. Оно сформировано под влиянием Вольфганга Кайзера, утверждавшего, что «гротеск — это отчужденный мир. Это наш мир, только трансформированный»¹⁹. Главное открытие Достоевского, исходя из положений Фангера, — это обнаружение трагического гротеска. Часть исследования посвящена тому, как работает гротеск у Достоевского. Фангер отмечает, что у Достоевского комическое, инвертируясь, становится трагическим²⁰. Инверсия гротеска может быть обнаружена, например, в использовании Достоевским такого приема, как скандал. Но для концепции Фангера важнее всего то, что гротеск у Достоевского связан с мифом о городе, служит средством для создания фантастического образа города. «Эстетическая революция, которую произвели реалистические романтики — объединение высокого с гротескным»²¹. Новое значение, которое придал Достоевский гротеску, способствовало расширению границ реалистического.

Говоря о природе реальности у Достоевского, Фангер выделяет два рода реальности. Первая реальность — социальная, связанная с современным писателю литературным и социальным контекстом шестидесятых годов. «Роман Достоевского был актуальным, свидетельством актуальности является значительный реалистический балласт, который он привнес»²². Другая, внутренняя, реальность превращает его в умственный город, «в том смысле, что атмосфера в романе отвечает душевному состоянию Раскольникова и символизирует его»²³. Смешение двух реальностей есть отличительная черта реализма Достоевского. «Петербург был как самое реальное из реальных мест для того, чтобы мы изумились странностям, в нем происходящим; фактически, он является условием для нашего восприятия странности событий, средством для того, чтобы развеять наши сомнения в подлинности происходящего. Но по мере возникновения нашего изумления сам город становится его объектом, и все, что мгновение назад казалось наиболее реальным, в следующий миг может стать самой странной фантазией.

¹⁷ Ibid. P. 17.

¹⁸ Ibid. P. 20.

¹⁹ Ibid. P. 229.

²⁰ Ibid. P. 235.

²¹ Ibid. P. 262.

²² Ibid. P. 190.

²³ Ibid. P. 194.

Диалектический процесс есть отличительная черта Достоевского: сам он называл свой метод “фантастическим реализмом”²⁴.

Интересно, как соотносится романтический реализм и так называемый реализм в высшем смысле Достоевского. Этому посвящен параграф в главе «Поэтика города». У Фангера «реализм в высшем смысле» — это одна из разновидностей романтического реализма.

Фангер начинает раздел с утверждения о неестественности героев и ситуаций у писателя. Объяснение, которое дает Фангер, базируется на общей концепции исследования двух типов реализма и идее мифа о городе как характерной особенности романтического реализма. «Неестественность ситуаций в романах Достоевского вытекает из неестественности городской жизни, из его новых художественных принципов для выражения новых социальных условий и интеллектуальных течений»²⁵. Таким образом, Достоевский расширил сферу реалистического, введя в нее исключительное.

Выдвигая тезис о том, что стремление к невероятному являлось стратегической идеей Достоевского, Фангер возвращается к мысли о двух типах действительности: внешней и внутренней. «Это восприятие привело его к осознанию тонкости той эмпирической линии, которая проходит между фантазией и реальностью, <...> к идее осветить то, что до него не было освещено, — связь между внутренней и внешней действительностью»²⁶. Фангер здесь, как отмечалось, опирается на понимание реализма как отображения особой духовной реальности. Исходя из этого, Фангер дает определение реализма в высшем смысле: «Достоевский концентрирует роман вокруг ключевого события и заставляет своих героев действовать так, чтобы продемонстрировать и прояснить комплекс идей. В этом заключается его новое слово в литературе. Это, кратко говоря, реализм в высшем смысле»²⁷. Итак, интерес к исключительному при сохранении типической детали является реализмом в высшем смысле.

Таким образом, в работе Фангера закрепляется представление о существовании двух типов реальности у Достоевского: социальной — действительной и духовной — метафизической. Автор развивает уже утвердившиеся идеи американских литературоведов, склонных видеть отсылки инобытия за натуралистическим окружением. Эволюция реализма, по Фангеру, заключается в создании второго типа реальности путем введения мифа о городе, представленного романтическими реалистами (Бальзаком и Диккенсом).

Концепция романтического реализма, выдвинутая и обоснованная Фангером, помогла выявить специфику реализма Достоевского,

²⁴ *Fanger D. Dostoevsky and Romantic Realism. P. 134.*

²⁵ *Ibid. P. 214.*

²⁶ *Ibid. P. 219.*

²⁷ *Ibid. P. 215.*

исторически и художественно обусловленную и оправданную, таким образом углубив представления о реализме, традиционно утвердившиеся в американском литературоведении. Само понятие «романтический реализм» является удачным для понимания тех неудобных особенностей реализма Достоевского, которые пытались объяснить исследователи его творчества и которые вызваны совершенно новыми задачами, которые решал Достоевский. Однако концепция базируется на целом ряде положений, которые являются спорными: очевидно, преувеличено значение влияния романтических традиций на писателя, мифа о городе и гротеска в художественной системе Достоевского, понимание природы реальности у Достоевского в целом не изменилось.

Работа Фангера оказала значительное влияние на дальнейшие исследования в США проблемы реализма Достоевского, в том числе на работы Д. Франка. В статье 1969 г. «Открытие Достоевским фантастического реализма»²⁸ Франк останавливается на проблеме феноменологии фантастического реализма и связывает ее с проблемой жанра. Он анализирует, как и почему возник интерес к жанру фельетона и как в этом жанре отразилось меняющееся отношение Достоевского к изображению реальности. Достоевский, по наблюдениям Франка, впервые защищает свой метод фантастического реализма и вновь утверждает свое литературное видение, которое «заключалось в связи между реальностью и фантазией, интуиции реального; оно схватывало и физически необычное, и экстраординарное, таким образом являясь ключом к социальным силам, действующим за поверхностью повседневности»²⁹. Как и Фангера, Франка интересует смещение фокуса на внутренний мир личности, когда причина страданий человека отыскивается не только в социальной жизни, а в морально-психической структуре самого героя.

Значительной вехой в американском достоевковедении 1940–1960-х гг. явилась книга профессора Йельского университета Роберта Льюиса Джексона «Достоевский в поисках формы»³⁰, которая посвящена анализу эстетических взглядов Достоевского. Вопросы реализма Достоевского рассматриваются в главе «Реальность и ее представление в искусстве».

Джексон выступает против позитивистского понимания реальности как фотографического копирования фактов. Он отмечает, что такое видение реальности было чуждо и Достоевскому. Этим объясняется неприятие писателем натурализма и его эстетики. В натурализме отсутствует нравственный центр. «Реальность требует внутренней организующей идеи — нравственной идеи»³¹. Неодухотворенная правда факта является лишь карикатурой.

²⁸ *Frank J. Dostoevsky's discovery of 'Fantastic Realism' // Slavic Review: American Quarterly of Soviet and East European Studies. 1969. Vol. 27. P. 286–295.*

²⁹ *Ibid. P. 290.*

³⁰ *Jackson R. Dostoevsky's Quest for Form. New Haven; London, 1966.*

³¹ *Ibid. P. 77.*

Еще одна особенность реализма Достоевского состоит, по мнению Джексона, в том, что «видение Достоевским реальности преимущественно религиозное»³². «Настоящая конечная реальность для автора “Братьев Карамазовых” — это трансцендентная реальность универсального христианского идеала»³³. Таким образом, «в самом непосредственном действии реализм охватывает социальную реальность в развитии, в более глубоком действии художественное познание приближается к религиозному откровению»³⁴.

Такой взгляд на реализм Достоевского позволяет Джексону преодолеть те противоречия между реальным и идеальным, трансцендентной и имманентной реальностью, которые стремились объяснить другие исследователи творчества Достоевского. Ученый выдвигает понятие синкретической реальности, точка ее приложения — человек, в котором «смешиваются реальное и идеальное. Именно человек является во всей полноте своего материального и духовного существа, именно он — центр и периферия реальности Достоевского. Это высшая форма представления реальности является высшим реализмом для Достоевского и связана с открытием человеческих поисков идеала, с открытием самого идеала»³⁵.

Таким образом, по мнению Джексона, художественное мышление Достоевского тесно связано с религиозным мышлением, что, в свою очередь, определило специфику его реализма. Фантастический реализм Достоевского — это высокая духовная религиозная реальность, синкретическая реальность. «Роль художника — это роль провидца... факты для него не делятся на реальные и нереальные, действительные и выдуманные; он открывает человеку его самого в завершенности его судьбы и безвременности существования»³⁶.

Попытка «вневременной» интерпретации творчества писателя является отличительной чертой американского достоевсковедения этого периода. Она повлияла и на рассмотрение проблемы реализма Достоевского. Размышлениями о природе реализма открывается книга Д. Рива «Русский роман», в которую включена глава, посвященная «Преступлению и наказанию» Достоевского. Рив утверждает, что реализм — «широкое понятие, которое включает как эстетику, так и политику, как принципы, так и практику»³⁷. Для Рива важной характеристикой русского реализма является этический пафос: «Реалист исходит из того, что существо его работы касается отношений между людьми, и эти отношения могут быть описаны только с точки зрения этической»³⁸.

³² Jackson R. Dostoevsky's Quest for Form. P. X.

³³ Ibid. P. 89.

³⁴ Ibid. P. 81.

³⁵ Ibid. P. 91.

³⁶ Ibid. P. 91.

³⁷ Reeve F. Russian Novel. New York, 1966. P. 10.

³⁸ Ibid. P. 11.

Главным критерием реалистического искусства он считает правдивость, т. е. верность действительности. Однако под действительностью Д. Рив традиционно понимает действительность жизни сознания. Открытие Достоевского и состоит в том, что «он обнаружил органическую автономную жизнь сознания»³⁹. «Достоевский не устанавливает никаких границ для сознания, так же как и для реального и фантастического, того, что есть и что кажется»⁴⁰.

Сравнивая роман Бальзака «Отец Горио» и роман Достоевского «Преступление и наказание», Рив отмечает, что новая проблематика произведения (у Бальзака это проблема совершения преступления для собственной выгоды и без риска) заставила Достоевского изменить отношения с реальностью, а следовательно, «он должен был прибегнуть к неевклидовой геометрии»⁴¹. Пространство «Преступления и наказания» есть неевклидово пространство. «В романе даны пространственно-временные отношения, где события происходят в сознании героя, и интервалы между ними обусловлены лишь логикой дискурса или диалектикой действия сознания, которые лежат вне действия законов причинности, как результат совпадений и случайностей»⁴². Такое понимание реализма позволяет автору широко использовать символическую интерпретацию Блэкмура, к которой и прибегает Рив. «Сама книга — это поле битвы между мечтой и действительностью, искусством жизни и возможностью, в символическом смысле нет различия между желанием и свершившимся фактом, соблазном и действием»⁴³, — пишет он.

Таким образом, для американского литературоведения 1950–1960-х гг. характерно использование различных подходов в исследовании проблемы реализма Достоевского. Новый взгляд на эту проблему реализма выразился в признании того, что воплощение позитивистских представлений о реализме является наивным, в стремлении установить связь реализма Достоевского с предшествующей традицией, законами жанра, а также с эстетическими представлениями писателя.

В результате формируется представление о Достоевском как об особом реалисте, утвердившем новые способы изображения действительности, расширившем границы реалистического, изменившем представления о правдоподобии, использовавшем новые приемы и тем самым оказавшем воздействие на американский роман.

³⁹ Ibid. P. 169.

⁴⁰ Ibid. P. 170.

⁴¹ Ibid. P. 167.

⁴² Ibid. P. 168.

⁴³ Ibid. P. 192.

Библиографический список

- Гинзбург Л.Я. Литература в поисках реальности: Статьи, эссе, заметки. Л., 1987. 397 с.
- Fanger D. *Dostoevsky and Romantic Realism: A study of Dostoevsky in Relation to Balzac, Dickens, and Gogol*. Cambridge, 1965. 307 p.
- Frank J. Dostoevsky's discovery of "Fantastic realism" // *Slavic Review: American Quarterly of Soviet and East European Studies*. 1969. Vol. 27. P. 625–635.
- Jackson R. *Dostoevsky's Quest for Form: A Study of His Philosophy of Art*. New Haven; London, 1966. 274 p.
- Lavrin J. *Dostoevsky: A Study* // Lavrin J. *Tolstoy: An Approach Bound with Dostoevsky: A Study*. 2nd ed. London; New York: Routledge, 2015. P. 1–158.
- Leatherbarrow W. *Fyodor Dostoevsky: a Reference Guide*. Boston, 1990. 317 p.
- Poggioli R. Dostoevsky and Western realism // *The Kenyon Review*. 1952. Vol. XIV, no. 1. P. 43–59.
- Reeve F. *Russian Novel*. New York, 1966. 395 p.
- Vivas E. The two dimensions of reality in *The Brothers Karamazov* // *Sewanee Review*. 1951. Vol. LIX, no. 1. P. 23–49.
- Yarmolinsky A. Aesthetics of Dostoevsky // *New Republic*. 1922. 27 September. P. 115–118.

References

- Fanger D. *Dostoevsky and Romantic Realism: A study of Dostoevsky in Relation to Balzac, Dickens, and Gogol*. Cambridge, 1965. 307 p.
- Frank J. Dostoevsky's discovery of "Fantastic realism". *Slavic Review: American Quarterly of Soviet and East European Studies*, 1969, vol. 27, pp. 625–635.
- Ginzburg L. Ia. *Literatura v poiskakh real'nosti* [Literature in search of reality]: Stat'i, esse, zametki. Leningrad, 1987. 397 p. (In Russ.)
- Jackson R. *Dostoevsky's Quest for Form: A Study of His Philosophy of Art*. New Haven, London, 1966. 274 p.
- Lavrin J. *Dostoevsky: A Study*. In: Lavrin J. *Tolstoy: An Approach Bound with Dostoevsky: A Study*, 2nd ed. London; New York: Routledge, 2015. Pp. 1–158.
- Leatherbarrow W. *Fyodor Dostoevsky: a Reference Guide*. Boston, 1990. 317 p.
- Poggioli R. Dostoevsky and Western realism. *The Kenyon Review*, 1952, vol. XIV, no. 1, pp. 43–59.
- Reeve F. *Russian Novel*. New York, 1966. 395 p.
- Vivas E. The two dimensions of reality in *The Brothers Karamazov*. *Sewanee Review*, 1951, vol. LIX, no. 1, pp. 23–49.
- Yarmolinsky A. Aesthetics of Dostoevsky. *New Republic*, 1922, 27 September, pp. 115–118.